

Подпись

878/87%

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
ШКОЛЬНИКОВ 2024/2025 УЧЕБНОГО ГОДА

по литературе

Код/шифр участника

10	-	К - 29	(5)			
----	---	--------	-----	--	--	--

Катменко Елизавета Олеговна

(фамилия, имя, отчество)

10B

(класс обучения)

10

(класс участия)

Муниципальное бюджетное Образовательное
Учреждение Центр Развития Интеллект

(полное наименование образовательной организации)

Задание 1.

2 Стихотворение Арсения Марковского "Рирна" особенно по своему содержанию и форме.

В приведённом произведении раскрываются философские темы: поэт и поэзия, отношение поэта. Идеи закладываются в том, что поэт может умереть, но о нём всё равно будут помнить. И слышится это только в том случае, если поэт даёт высказаться и услышать стихи и воспринимать.

Жанр этого стихотворения — эпитафия. Из этого следует, что лирического героя могут одолевать высокие чувства. Он испытывает восхищение перед вдохновенным поэтом, но также задаётся вопросом о том, почему же поэт совершает до самой смерти. Ответ, на самом деле, прост: он хочет высказаться.

Лирическое произведение Марковского также наполнено художественными деталями и образами. Поэзия, эпитафия, монолог в руках страстного поэта, живущий в немере страх перед смертью и влажное плечо Рирны — всё это является основой для творчества поэта.

Название этого стихотворения также ~~заключает~~ закладывает в себе идею о том, что творческое созидание ~~благодаря~~ гранкой силой — на самом деле то, ради чего поэт просит вдохновения. Ведь не зря же мы так показываем и показываем сердце поэт.

Для раскрытия темы поэта и поэзии авторы часто используют средства художественной выразительности. В приведённом произведении присутствуют такие, как: гипербола ("родить по делу свету", "семь тысяч лет пройдёт"), сравнение (поэта с ребёнком, говорящим "мама", и жрецом), олицетворение (душа, избывающая живое слово в "молоток своих слов", живущий в немере страх), метафора ("Консеевой считалки постачество"), мифотип ("ещё одно дыканье и мковенье"). Также присутствуют элементы риторки: вопрос, восхищение, обращение.

Кампоуэзюнная составляющая этого стихотворения также интересна: хорей, перекрёстная рифмовка в пятистопной строке — всё это является желанием автора ~~успеть~~ сказать как можно больше. Поэту ~~особенностями~~ синтаксиса и пунктуации является наличие сложных предложений и длине двостопной, ведь автор хочет как можно лучше раскрыть тему стихотворения.

Таким образом, стихотворение Арсения Марковского "Рирна" раскрывает тему назначения поэта через описание возвышенных чувств лирического героя через сложные предложения с длинным двостопом (наскелет) и средств художественной

Задание 2.

Александр Сергеевич Пушкин — величайший прозаик и поэт за всю историю русской литературы. Но его произведениями живут картины, снимают фильмы и сериалы, ставят спектакли и оперы.

В городах России — Дзержинске и Волгограде — прогремели и маленькие и «НЕ маленькие трагедии». История в первой постановке была пестрой, во второй — две. За основу взяли одноименный цикл А.С. Пушкина, но в волгоградском постановке режиссёры опирались на оперу Рахманинова и Баратынского.

Может волгоградские режиссёры откликнулись тем, что именовали название одной из опер. Назвал оперу именем главного героя, они подчеркивали важность именно его судьбы в произведении. Чего не сделал А.С. Пушкин, дав читателю самому понять важность образа ~~Алекса~~ Алекса в произведении.

Однако название постановки в Волгоградском театре являет собой такое осуждение того, что творил Александр Сергеевич Пушкин ни в коем случае нельзя преувеличивать. Может, его трагедии были по сюжету, но уже тогда не по значению в мире русской литературы и мире в целом.

Современный подход и творческий эксперимент режиссёров «Нармушкинской оперы» полностью обоснован, так как есть зрительно иное видение ~~на~~ на произведение русского классика: более современное, понятное зрителю. Русскую классику можно поставить по-разному, не отходя от канонам классического театра, но же полностью менять концепцию постановки, при этом оставаясь суть.

Задание 2 - 250.

Задание 1.2

K₁ - 30

K₂ - 10

K₃ - 10

K₄ - 2

K₅ - 5

Итого:

$$30 + 10 + 10 + 2 + 5 + 25 = 82$$

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
2024–2025 уч. г. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС**

ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА Выберите для аналитической работы **ИЛИ** прозаический, **ИЛИ** стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов. Работа объёмом менее 75 слов будет оцениваться нулём баллов. Перед ответом на задание укажите **НОМЕР** варианта текста, который анализируете.

1. Прочитайте рассказ Евгения Носова «Шуба» и выполните его целостный анализ, приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы: смысл названия, роль художественных деталей, особенности лексики в повествовании, способы создания образов героев, авторскую позицию, смысл концовки. Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Евгений Носов
Шуба**

Засыревший большак, исполосованный колесами, выбирая, где поположе, широкой дугой поднимается на косогор. На дороге и пашне еще видны следы недавней бессонно-горячей работы, когда из земли выбиралось и выдиралось все, что она успела и сумела родить людям за недолгое лето. То попадалась в колее раздавленная колесами свекла, то звено от тракторной гусеницы или еще какая неведомая железяка, оброненная впопыхах машиной, то в стороне, среди черного, белесые скруды молодой соломы. А у обочины торчал случайно не задетый плугом, сгорбившийся, как старик, сухой подсолнух. Ветер шуршал лохмотьями его листьев, а он все кивал и кланялся путникам непокрытой растрепанной головой.

Страда отшумела, и теперь по обе стороны большака чернела по-осеннему засмиревшая земля, комковато и неловко улегшаяся на покой.

Дуняшка и Пелагея, поспешая, шли обочь дороги. Опустевшие поля не вызвали у них никаких размышлений: они здесь жили, и все было привычным и незаметным, как этот осенний полевой воздух, которым дышали. Они шагали бок о бок и оживленно болтали о всяких своих житейских делах.

Пелагея, еще шустрая, сухощавая баба, шла налегке в сером клетчатом платке и в Степкином ватном пиджачке с жестяными переkreщенными молотками в петлицах, – Степка учился в школе механизации, на воскресенье приехал домой, и Пелагея выпросила у него пиджак съездить в город. Из-под пиджака высовывался белый, оборчатый, надетый по торжественному случаю передник, который встречный ветер то поддувал пузырями, то запихивал между худых Пелагеиних колен. Но она не одергивала, а так и шла, шлепая о тощие икры широкими голенищами резиновых сапог.

Дуняшка старалась не отставать. Она хоть и была повыше матери, но подростковое пальтишко с короткими рукавами узило ее в плечах и как-то казалось и ниже ростом и моложавее, скрадывая года два – именно те, в течение которых Дуняшка успела повзрослеть, похорошеть и уже кое-кому пригнаться.

Увлеченные разговорами, они все прибавляли и прибавляли ходу, пока, запыхавшись, Пелагея уже не могла ничего связно сказать, кроме отдельных, перебитых частым дыханием слов, после чего она останавливалась и удивленно оглядывалась на деревню, говоря:

– Чтой-то мы... так... бегём? Гляди, уже где... дворы. Небось... не на пожар.

Но, передохнув минутку, они снова поворачивались и шли скоро и торопко. Такая уж деревенская дорога: сызмальства не приучены ходить по ней вразвалочку. Всегда у бабы в конце этой дороги какое-то спешное дело: детишки ли, квашня ли с тестом, поросенок ли некормленный, – если идти с поля, а если в поле, то и того пуще всяких дел, особенно когда подоспеет страда. Как ни богат колхоз техникой – и комбайны, и культиваторы, и сеялки-веялки всякие, и тракторы по восемьдесят лошадиных сил, – и все же еще столько прорех, что каждый умный председатель, если хочет, чтобы дело шло без сучка без задоринки, непременно бросит клич: «А ну, бабоньки, подсобим! – и добавит для подбодрения: – Техника техникой, а все же баба в колхозе – большая сила!» И бабы наваливаются. Мужики ездят на тракторе взад и вперед по свекловищу, дергают рычаги, руль крутят, выковыривают культиватором бураки. А бабы, будто галки за плугом, с галдецей, коли еще не притомились, или уже молча к закату дня, все собирают и собирают свеклу в корзины и подолы и таскают, и таскают ее, в комьях тяжелой земли, по перепаханному полю в кучи. А после, собравшись в кружок, попережку с пустыми разговорами и пересудами незаметно

да и переворошат опять многие тонны бурака, обобьют от земли, отсекут ботву, обрежут хвосты и сложат в кучи. И лишь когда заведется и не разобрать, то ли это свекла, то ли просто грудка земли, поднимаются пестрой стаей и бегут, бегут полевой дорогой, на другом конце которой ждут их другие неотложные домашние заботы.

А на току разве обойтись без нее? Или на сенокосе? На ферме? Да где ты без нее обойдешься? Нехитрая машина – баба, простая в обращении, на еду непривередливая, не пьет как мужик и не кочевряжится при расчете. Мужик за кручение руля на тракторе полтора трудодня берет, хоть и со сменщиком работает, а она без всякой смены и на половинную долю согласна, потому как понимает: руль с умом крутить надо. А где бабе ума взять? Ум-то весь мужикам достался.

Но особенно поспешает она, если, вырвавшись от дел, соберется в город. Нечасто это случается, и потому побывать в городе – чуть ли не праздник. Потолкаться в магазинах, посмотреть на ситцы, а коли есть деньги, развернуть их колковатую, нетронутую радостно-пеструю свежесть – ромашками да незабудками, – повибывать и поволноваться, прикидывая в уме, как это подойдет подростовой девке, а то и себе. Себе-то ведь тоже хочется! А платки какие! За шелковый и взяться страшно: к рукам липнет. Руки-то шершавые, а материя что твой дым – дунул, и полетела! И обутка всякая, и гребенки. Конфет да пряников – аж в глазах рябит. Целый день, ошалевшая, радостно-увлеченная, ходит она по лавкам да по лоткам, не поест, не присядет, потому как нет для нее ничего волнительнее, чем разные товары да обновы.

Купит ли картуз мальчонке или мужику – не прячет его в корзину, а наденет поверх платка и несет всю дорогу, чтобы не помялся часом, а больше – чтоб люди видели обнову. Картуз-то вся цена два рубля, а несет она его так, будто невеста что купила. А уж если ситчику или штапелью на платье, то всю дорогу останавливается, заглядывает в корзину, щупает, шепчет что-то над ней и вдруг зардеется смущенно, если застанут невзначай за этим таинством знакомые... – Да вот обнову купила, – скажет, посерьезнев. – И не знаю, то ли угодила, то ли нет? – Но тут же сама и порешит: – Сошьется – сносится. Не барыня.

А у Пелагеи и того важнее была причина торопиться: Дуняшке идут пальто покупать. Не какое-нибудь простенькое. А хорошее, настоящее зимнее. Чтoб с меховым воротником, на подкладке шелковой, да чтоб сукно было доброе. Нечасто приходится такие дорогие обновы справлять. Себе-то уж и не помнит, когда покупала. С воротником – так и вовсе. Почитай, полсотни лет прожила, а ни разу мехового воротника не носила. Да их как-то раньше и не было, кроме овчинных. Платок накинута – вот и весь воротник. Теперь-то всякие пошли. Под разного зверя. Во всем их роду Дуняшка первая наденет. Подружки уже посправляли, а она до сих пор в этом куце бежит. Против людей неловко. Да и то сказать – невеста уже. Третьего дня вышла Пелагея к вечеру корову подоить, глянула через плетень, а Дуняшка с парнем у калитки стоит. Это ничего, что с парнем. Уже самостоятельная. Нынче осенью тыщу двести в колхозе заработала. Пятисот рублей уже разошлись. Поросеночка купили, сена копенку, да и так, по мелочам, потратилось. Если не купить – разойдутся. Тогда до будущего года ждать. А то уж одета будет.

Потому и частила сапогами Пелагея, будто сваха, озабоченная и взвинченная предстоящим нештучным делом. Где-то там, как в сказке, за горами, за долами, невеста в каком магазине, в каком универсаме, неведомо еще какое – синее, черное или коричневое, а может, и еще краше, висит то, единственное, с меховым воротником, которое предстоит Пелагее разыскать, выбрать, да не прогадать ни в какой малости, чтобы в самый раз пришлось Дуняшке. Не так уж это просто.

Все эти думки и заботы вихрились в Пелагеиной голове наряду с теми словами, которые выговаривала на ходу Дуняшке. Думы – сами по себе, слова – сами по себе.

Дуняшка, переключаясь с матерью, тоже про свое думала. Прожитая жизнь ее покороше, забот, поменьше, но зато с покупкой пальто у нее связано много своих девичьих мыслей, от которых всю дорогу радостно голубеют глаза и румяно горят щеки.

Взойдя на самую верхушку косогора, где дорога опять встретила с телефонными столбами, взбежавшими на гору прямым по самой крутизне, Пелагея остановилась глотнуть воздуха. Обе оглянулись и, отдыхая, смотрели на деревню. Она все еще виднелась серой полоской соломенных крыш среди черной яби и просторных полос подростовой озими. Деревня казалась совсем маленькой меж необозримого неба, серо клубящегося осенними тучами.

Пелагея, пробежав глазами по ряду похожих одна на другую хат, безошибочно нашла свою и, озабочась, проговорила:

– Наказала Степке сходить в селы за керосином. Забегается – не сходит...

А Дуняшка нашла длинный белый брусочек своей птицефермы на отшибе деревни, подумала, догадается ли дед Алексей перетянуть под навес привезенную рыбную муку, вспомнила о пропавшей вчера любимой курице Моте, которую она умела отличать среди сотен других таких же

белых. Мотя была нерасторопная и копуша, но несла крупные яйца. Потом Дуняшка тоже, как и Пелагея, стала перебирать глазами хаты. Но искала она не свою, а другую... Вот она, под молодым, еще не облетевшим рыжим тополком. Сердце колыхнулось и пролилось теплом... Под этим тополком на лавочке прошлый раз – не дай бог, мать узнает! – поцеловал ее Сашка. Она, внутренне полыхая от стыда и счастья, сорвалась со скамейки и побежала, угнув голову. Только ноги не слушались, а сердце так гулко колотилось под пальтишком, что не слышала, как нагнал он ее и пошел рядом...

Дуняшка, забывшись, долго глядела затуманенными глазами на рыжий тополек, пока Пелагея не позвала:

– Пойдем, девка! Что-то ты?

А выйдя на ровное и разойдясь малость, спросила:

– Третьего дня кто-то под нами стоял?

– Ты про кого, мать? – как могла простовато спросила Дуняшка, а сама так и пыхнула, благо что пыхать-то уж больше некуда было.

– Ну, не дури, – осерчала Пелагея. – Небось не глухая. Голос вроде знакомый, а признать не признала.

– Сашка стоял, – уклончиво сказала Дуняшка. – Так, мимо шел.

– Это чей же? Акимихин, что ли?

– Тетки Фроси... Что хата под тополем.

– А-а! Ну, ну!.. Отслужился, стало, быть?

– В Германии служил.

– Что же, привез что-нибудь?

– Не знаю, не спрашивала. Мне-то что!

– Должен привезти, – решила Пелагея.

Обежали большую лужу, налитую дождями, в которой утонули обе тропочки, проторенные рядом: Пелагея – справа, Дуняшка – слева. А когда опять сошлись, Пелагея спросила:

– С матерью будет жить аль в город подается?

– Не знаю я.

– А ты б спросила.

– Не спрашивала я.

– Как же об этом не спросить-то? – удивилась Пелагея.

– Он мне про Германию рассказывал. Интересно так! А про это разговору не было.

– Гляди-ка! – хлопнула себя Пелагея по переднику. – Да об этом впервоядь спрашивать надо. А так – что толку провожаться?

Дуняшка заморгала глазами, отвернувшись, глядя на голые придорожные кусты.

– Ну, ну! – примирительно сказала Пелагея. – А только, если опять придет, попытай. Тут ничего зорного нету.

– Не буду я спрашивать, – сердито мотнула головой Дуняшка.

– Не будешь, так я сама разузнаю, – решительно сказала Пелагея, ловко перепрыгивая через канаву.

– Стыд-то какой! И не смей! И не думай даже!

– Дура и есть дура.

– Пусть! А только не смей! Нужен он мне больно!

– У калитки стоишь – стало быть, нужен.

– Много я настояла! – дернула плечами Дуняшка и побежала вперед, норовя обогнать Пелагею, идти одной. – Только и знаю: на ферму и домой.

– Я аль запрещаю? Парень он тихий. На тракториста учится. Стой. А только стоять с умом надо. Девичье дело такое... Вот купим пальто...

Но Пелагея не договорила, потому что и сама не знала, что должно быть, когда купят они пальто.

На шоссе вышли как раз к самому автобусу, часа полтора ехали, разлученные теснотой, терпеливо вынося давку и тряску, и наконец вывалились на автостанции. Пелагея – без одной пары жестяных молоточков в петлице, Дуняшка – со сбившимся на затылок вязаным платком и такая, будто побанилась с березовым веником. Она тут же стала озираться по сторонам, дивясь пестрой городской сутолоке, а Пелагея сразу сунула руку за пазуху Степкиного пиджака и цапнула кофту под грудью: «Целы? Целы... Ох!»

Они вошли на главную улицу, и город захватил их своим пестрым людским водоворотом.

Мимо Дуняшки шли кепки и косынки, шинели и спецовки, шарфы и шарфики. Проходившие очки удивленно и близоруко косились на Пелагеин передник. Вертлявые береты больше поглядывали на Дуняшку. Она даже слышала, как один берет сказал другому: «Гляди, какая вишенка! Блеск! Натуральный напиток!» И она деревенела от робости и смущения. Проходили всякие шляпы – угрюмо надвинутые и лихо заломленные. И всякие шляпки. Дуняшка дивилась цветочным горшочкам и горшочкам для гречневой каши, мелким тарелочкам и эмалированным мисочкам и просто ни на что не похожим. Шныряли авоськи с картошкой и хлебом, плавно покачивались сетки с мандаринами, робко шаркали матерчатые боты, подпираемые костыликом. А над всем этим людским потоком каменными отвесными берегами высились дома.

Дуняшка редко бывала в городе, и каждый раз он открывался по-новому. Когда приезжала с матерью еще маленькой девочкой, ее так поразили вороха конфет, пряников и множество всяких кукол, что ничего другого она не запомнила, и потом в деревне долго еще снился пряничный город, в котором жили веселые красивые куклы. Постарше она читала вывески, заглядывалась на милиционера, как он размахивает полосатой палкой и поворачивается туда-сюда, и, пока Пелагея стояла за чем-нибудь в очереди, глядела на кассовую машину, выбивавшую чеки.

Но теперь больше всего ее занимали люди.

«Сколько их, и все разные!» – дивилась Дуняшка, проталкиваясь за матерью. Мимо прошли тысячи, а схожих нет. И не то чтобы лицом, одеждой или годами. А чем-то еще таким, чего Дуняшка понять не могла, но смутно чувствовала эту несхожесть. У них в деревне люди как-то ровные – и лицом, и одеждой, и жизнью.

По пути Пелагея и Дуняшка заходили в магазины, приглядывались к одежде, но примерять не брали. Пелагея говорила:

– Пойдем в главное посмотрим.

Ей казалось, что самое лучшее пальто должно быть в универмаге. Но идти прямо туда ей не хотелось. Нельзя же так: прибежал, отвалил деньги – и до свидания! Кто так покупает? Пелагее было лестно, как продавщицы – красивые, белолицые – снимали с вешалки одно, другое пальто, выбрасывали перед ней на прилавок, а она хотя и знала, что покупать пока не будет, да и по цене подходящего не находилось, но деловито тормошила пальто, шупала верх, дула на воротник, разглядывала подкладку. А тем временем Дуняшка застывала в галантерее.

Бог ты мой, сколько тут всего! Чулки простые, чулки в резиночку, чулки тоненькие, в паутинку, как у ихней учительницы. Мониста! Голубые, в круглую бусинку, красной рябинкой, зеленым прозрачным крыжовником, и рубчатые, и граненые, и в одну нитку, и в целый пучок... А брошки! А сережки! Блузки какие! Гребенки и вовсе небывалые! Глядела на все это Дуняшка, и даже продавцы замечали, как разбегались глаза от красоты невиданной, как сами собой раскрывались пухлые Дуняшкины губы от восхищения. Подходила Пелагея не торопясь, разглядывала все это богатство, полная внутренней гордости, что если захочет, то все может купить.

Смотрели на Дуняшку продавцы, ждали, чего пожелает она, на чем остановит выбор. А Дуняшка торопливо шептала Пелагее:

– Глянь, какие сережки! Недорого, а как золотые! – и моляще дергала мать за рукав.

– Пошли, пошли! Некогда тут! – озабоченно говорила Пелагея.

А Дуняшка:

– Мама, хоть гребенку!

Но Пелагея направлялась к выходу и лишь за порогом, чтоб не слышали люди, гусиным шепотом выговаривала:

– Гребенку купим, а на пальто не хватит. Понимать надо!

До универмага они добрались лишь после обеда. Правда, сами они еще ничего не ели: и некогда было, и не хотелось. У входа в магазин люд вертелся, как вода в мельничном омуте. Здесь засасывало, кружило и выбрасывало сразу десятки людей. Из дверей универмага доносился глухой непрерывный гул, будто там тяжело вращались жернова.

Пелагея и Дуняшка протолкались внутрь, наспех обежали первый этаж, но там продавалось не то, что нужно, и они пошли выше. На лестничной площадке, между первым и вторым этажом, они увидели себя в огромном зеркале, вделанном в стену. Зеркало молчаливо подсказывало каждому проходящему мимо, что именно надо ему заменить или чего не хватает в одежде.

Пелагея поднималась по лестнице, высоко подбывая коленями свой оборчатый фартук. Она отчужденно взглянула на себя и вдруг проговорила:

– Батюшки, молотки-то я потеряла! Теперь убьет малый...

Одной ступенькой ниже поднималась Дуняшка. Она глядела в зеркало во все глаза, потому что видела себя вот так, всю сразу первый раз в жизни. В своем вязаном платке, делавшем ее голову

круглой и обыкновенной, в куцем, узкоплечем сереньком пальтишке, из-под которого торчали длинные крепкие ноги в хромовых забрызганных сапогах, Дуняшка походила на молодую серенькую курочку, у которой еще как следует не прорезался нарядный гребешок, не округился зобик, не поднялся вверх хвостик, зато уже отросли сильные, выносливые ноги. Но щеки ее по-прежнему неутомимо пылали, и зеркало шепнуло: «Разве можно в таком пальто ходить под рыжий тополек?»

В отделе верхней женской одежды было не очень много народу. За прилавком в огромном длинном салоне в благоговейной тишине и терпком запахе мехов и нафталина висели пальто и шубы. Они помещались длинными рядами, как коровы в стойлах на образцовой совхозной ферме, – рукав к рукаву, масть к масти, порода к породе. На каждом из них висели картонные бирки. Между рядами в торжественном почтении, разговаривая вполголоса, ходили покупатели, брали в ладони бирки, приценивались.

– Вам для девочки? – посмотрев внимательно на Дуняшку, спросила полная пожилая продавщица в очках и халате, похожая на ветврача из соседнего совхозного отделения. – Пожалуйста, пройдите. Сорок шестые направо.

Пелагея, а за ней Дуняшка несмело вошли за обитый красным плюшем барьер и начали осмотр с края. Но Дуняшка шепнула: «Черное не хочу», – и они прошли к бежевым. Бежевые были хороши. Большие роговые пуговицы. Мягкий коричневый воротник. Кремовая шелковая подкладка. Пелагея смяла в кулаке угол полы – не мнется.

– Дуня, ну-ка прочитай.

– Тысяча двести.

– Так, так, – сдвинула брови Пелагея. – Маркое дюже. Вон у агрономши. Ехала в машине – запятнала. А теперь хоть брось.

– Мама, смотри, вон темно-синее! – зашептала Дуняшка.

– Ничего сукнецо! – одобрила Пелагея.

– Воротник красивый! Просто пух! – шепнула Дуняшка. – Тысяча девятьсот шестьдесят.

– Это небось год указан?

– Да нет... рубли.

– А-а... рубли... Уж больно дорого что-то. Пальто так себе. И воротник небось собачий. Ни лиса, ни кот. Собака и есть.

Дальше висели светло-серые. Они были почему-то без воротников, но зато с опушкой на рукавах. Пелагея недоверчиво покосилась на бирку, но просить Дуняшку прочитать не решилась. За серыми пошли шубы.

– Небось тоже дорогие, – сказала Пелагея, – тыщи на полторы, не меньше.

– Ну, подобрали что-нибудь? – спросила продавщица.

– Да что-то не нравятся, – озабоченно сказала Пелагея. – То маркие больно, то крою ненашенского.

Продавщица, бросив едва заметный взгляд на Пелагеин передник, спросила:

– Вы на какую цену хотели бы?

Пелагея задумалась.

– Да вот и сама не знаю, – сказала она. – Брать дорогое рискованно. Дочка еще будет расти. Пока 8 рублей за семьсот. А то можно и подешевле.

– Конечно, конечно, – понимающе закивала очками продавщица. – Девочка еще в росте.

– Вы уж, пожалуйста, постарайтесь.

– Есть у нас для нее великолепное пальто! – сказала продавщица. – Недорогое, но очень даже приличное. Пойдемте. Мы ее сейчас так разоденем!

Продавщица прошла в самый конец ряда и, покопавшись, подала:

– Вот, пожалуйста.

Пальто и верно было хорошее. Коричневое в елочку. Воротник черный. Вата настегана не внатруску, а как следует. Теплое пальто. Пелагея дунула на воротник – мех заколыхался, провела по шерсти, прилег мех, заблестел вороновым крылом.

– Драп, воротничок под котик, – пояснила продавщица, поворачивая пальто на пальце. – Пожалуйста, подкладочка из шелковой саржи. Чистенько. Тебе нравится? – спросила она Дуняшку.

Дуняшка застенчиво улыбнулась.

– Ну вот и отличненько! – тоже улыбнулась продавщица. – Давайте примерим. Вот зеркало.

С радостным трепетом надевала Дуняшка пальто. От него пахло новой материей и мехом. Даже сквозь платье Дуняшка ощущала, какой гладкой была подкладка. Она была прохладной только сначала, но потом сразу же охватило тело уютным теплом. Вокруг шеи пушисто, ласково лег воротник. Дрожащими пальцами Дуняшка застегивала тугие пуговицы, и Пелагея, озабоченно

раскрасневшаяся, кинулась ей помогать. Как только пуговицы были застегнуты, Дуняшка сразу почувствовала себя подтянутой и стройной. Грудь не давило, как в старом пальто, а на бедрах и в талии она ощутила ту самую ладность хорошо сидящей одежды, когда и не тесно и не свободно, а как раз в самую пору.

Посмотреть на примерку пришли почти все бывшие за барьером покупатели. Какой-то старичок с белой, будто выстиранной бородкой, летчик с женой. Дама в черном пальто и черно-дымчатой лисице с мужчиной очень приличного вида в красном шарфике тоже подошли к примерочной.

Дуняшка посмотрела в зеркало и обомлела. Она и не она! Сразу повзрослела, выладнялась, округлилась, где положено. Она увидела свои собственные глаза, сиявшие счастливой голубизной, и впервые почувствовала себя взрослой.

— Прямо невеста! — сказал старичок.

— Вам очень к лицу, — заметила жена летчика. — Берите, не сомневайтесь.

— Ну что за прелесть девчонка! — улыбнулась дама в лисе. — Что значит одеть как следует человека! Недаром же говорится: «По одежде встречают...» Разрешите, милая, я заправлю твою косичку. Вот так. Чудо, а не пальто.

— Выписывать? — наконец спросила продавщица и достала из кармашка чековую книжку.

— Раз люди хвалят, то возьмем, — сказала Пелагея. — 18 годков дочке-то. Как не взять!

— Пожалуйста: шестьсот девяносто три рубля двадцать одна копейка. Касса рядом.

Пелагея побежала платить, а Дуняшка, неохотно расставшись с новым пальто, натянула на себя старенькое и повязала платок.

— Счастливая пора у этой девочки, — вздохнула дама. — Просто пальто, первые туфельки... Все впервые...

Продавщица ловко завернула покупку в бумагу, несколькими взмахами руки обмотала бечевкой и, шелкнув ножницами, подала Дуняшке.

— Носи на здоровье.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Дуняшка.

— Спасибо вам, люди добрые, за совет и помощь, — сказала Пелагея. — Тебе, дочка, спасибо на ласковом слове, — сказала она даме.

— Ну что вы! — улыбнулась дама. — Приятно было посмотреть на вашу девочку. Ты в каком классе?

— На ферме я, — проговорила Дуняшка застенчиво и уставилась на свои большие красные руки, державшие покупку.

— Она у пас птичницей в колхозе работает, — пояснила Пелагея. — Триста ден выработала. На ее деньги пальто и справили.

— Ну, это совсем мило! — сказала дама и очарованно еще раз посмотрела на Дуняшку.

Сразу уходить из магазина не хотелось. Пелагея и Дуняшка еще не остыли от возбуждения и долго толкались по разным отделам. После покупки пальто, которое Дуняшка носила под мышкой, все время поглядывая на него, хотелось еще чего-нибудь. И они, разглядывая товары, говорили, что хорошо бы к такому пальто прикупить еще и боты. «Вот те, с опушкой». — «Говорят, они неноские». — «Как же неноские? Катя Аболдуева третью зиму носит». — «Ладно, купим. Такие у нас в селпо есть». — «Мама, глянь, какие шляпы!» «Ты что, спятила? Будешь ты ее носить!» — «Да я так просто». — «Тебе б платок теперь пуховый».

Так обошли они весь этаж и опять, проходя мимо отдела верхней одежды, остановились взглядом на прощание на висевшие пальто.

За барьером они увидели даму, примерявшую шубу. Мужчина в красном шарфике стоял рядом. Он держал ее пальто.

Шуба была из каких-то мелких шкурок с темно-бурыми спинками и рыжими краями, отчего она выглядела полосатой. Продавщица, развернув шубу, набросила ее на даму, и та сразу потонула с головы до пят в горе рыжего легкого меха. Были видны только гребень взбитых на макушке волос цвета крепкого чая да снизу, из-под края шубы, — щиколотки ног и черные туфельки.

— Широкая дюже, — шепотом заметила Пелагея. — Совсем человека не видно.

Дуняшке шуба тоже показалась очень просторной и длинной. Она свисала с плеч волнистыми складками, рукава были широкие, с большими отворотами, а воротник разлегался от плеча до плеча. Может быть, так казалось после черного пальто, которое очень ладно сидело на даме?

Пальто это было очень хорошее, совсем новое — и материал, и лисий воротник. Его еще можно носить и носить, и, если бы у Дуняшки было такое, она не стала бы брать шубу, а купила бы пуховый платок и боты.

Дуняшке хотелось сказать об этом даме, хотелось проявить участие, посоветовать что-нибудь, как советовали только что во время примерки ей самой. Но, конечно, она ни за что не решилась бы.

Это она только так, про себя. Она не знала, какие надо говорить слова, и вообще робела перед этой хотя и приветливой, но все же в чем-то недоступной женщиной.

Дама передернула плечами, отчего шуба заходила на спине широкими складками, и посмотрела на себя в зеркало. Дуняшка увидела ее красивое, в этот момент слегка побледневшее лицо, охваченное широким рыжим воротником. Живые светло-коричневые глаза смотрели внимательно и строго, а подкрашенные губы чуть улыбались.

– Филипп, тебе нравится? – спросила дама, проводя выгнутой ладонью по щеке и волосам.

– В общем, ничего, – сказал мужчина. – Пожалуй, даже лучше той...

– Как сзади?

– Три складочки. Как раз то, что ты любишь.

– Может быть, не будем брать? Мне не очень нравится воротник.

– Отчего же? Шуба тебе к лицу. А воротник – пригласи Бориса Абрамовича. Переделает.

– Мне его что-то не хочется. Марина Михайловна говорила, что он ей испортил шубу. Я позвоню Покровской – у нее хороший скорняк.

Дама еще раз взглянула на себя в зеркало.

– Хорошо, я беру, – сказала она. – Если что – Элка сносит.

– Разрешите выписать? – учтиво спросила продавщица.

– Да, да, милая...

Мужчина пошел платить. Он расстегнул портфель и положил на кассовую тарелочку два серых кирпичика сотенных, перехваченных бумажной лентой.

– Это все за одну шубу?! – ахнула Дуняшка.

Шуба была завернута в бумагу. Продавщица с серьезным лицом, на котором была написана вся торжественность момента, несколькими привычными взмахами руки обмотала пакет бечевкой и, вручая даме, так же, как и Дуняшке, пожелала:

– Носите на здоровье.

– Благодарю вас.

– Вот мы с тобой и с обновками! – улыбнулась дама, заметив Дуняшку, и ласково потрепала ее по щеке.

В ее руках был совсем такой же пакет, как и Дуняшкин, почти такого же размера, в той же белой бумаге с красными треугольниками, так же перехваченный крест-накрест бечевкой. Положить рядом – не различишь.

Мужчина взял у нее пакет, и они вышли.

На улице сыпал мелкий дождик. Асфальт блестел. Дуняшка и Пелагея видели, как дама и мужчина сели в мокрую блестяще-черную машину и поехали. В заднем окошечке мелькнула лисья мордочка воротника с красной пастью.

– Хорошие люди, – сказала Пелагея. – Обходительные.

Дуняшка посмотрела на свой пакет. Дождь дробно барабанил по обертке, и бумага покрылась пятнами. Дуняшка расстегнула пальто, спрятала покупку под полу.

– Мама, есть хочется, – сказала она.

На сдачу от пальто они купили у лоточниц по булке и по мороженому, остальную мелочь спрятали на дорогу. Зашли за газетную будку и стали есть. Они ели жадно и молча, потому что проголодались, и еще потому, что было неловко есть на людях. А мимо все шли и шли поднятые воротники и шляпы, кепки и спецовки, очки и береты, цокали туфельки и шаркали матерчатые боты. Время от времени проходили раздутые портфели, и Дуняшке казалось, что они набиты сотенными. Иногда проплывали лисы, уютно пристроившиеся под зонтиками. На них не капало.

– Ну, пошли, что ли? – сказала Пелагея, отряхивая с пиджака крошки. – Не знаю, купил ли Степка керосину...

С автобуса они сошли еще засветло. Дождь перестал, но большак осклиз и тускло поблескивал среди черной, тяжело осевшей влажной земли. Пелагея подоткнула под пиджак фартук и, разъезжаясь сапогами по убитой тропинке, зашагала впереди Дуняшки. Теперь она спешила домой, потому что надо еще успеть постирать Степкино белье. Завтра рано ему ехать в школу механизации. Дуняшка бежала следом. Ей тоже хотелось поскорее домой.

Уже перед самым косогором вдруг проглянуло солнце. Оно ударило пучком лучей в узкую прореху между землей и небом, и большак засверкал бесчисленными лужами и залитыми колеями.

Выйдя на самую кручу, они остановились передохнуть. После дождя потишело и потеплело. Город притомил Дуняшку своей сутолокой, а здесь, в поле, было тихо, хорошо и так все привычно. Возле подсолнуха, одиноко торчавшего у дороги, стоял теленок. Он обдергивал влажные, обмякшие листья и неторопливо жевал их, пересовывая языком черенок. Перестав есть и

растопырив уши, он задумчиво уставился на Пелагею и Дуняшку. Недоеденный черенок торчал из его влажных розовых губ.

– Скоро придем, – сказала Пелагея. – Ну-ка дай сюда...

Она взяла у Дуняшки сверток и проткнула пальцем бумагу. В прорыв проглянула подкладка. Она была цвета молочной печенки и шелково переливалась на свету.

– Хорошая подкладка! – одобрила Пелагея. – Ну-ка, погляди.

– Хоть на платье! – сказала Дуняшка. – Мама, а верх какой? Я забыла...

Поковыряли бумагу в другом месте, добрались до верха.

– И верх хороший! – еще раз убедилась Дуняшка.

– Ну, верху сносу нет! Говори, что тыщу отдали.

– За тыщу и хуже бывает. Помнишь, то висело, бежевое?

– И глядеть не на что!

– Мама, давай воротник посмотрим. Еще воротник не рассмотрели.

Воротник был мягок и черен, как вороново крыло. Замечательный воротник!

– Как она сказала – какой воротник?

– Под котик.

– А-а... Ишь ты! Дорогой небось.

– Мама, и теплое!

– Теплое, дочка! – Пелагея прикинула сверток на руке. – Насчет теплоты и говорить нечего. А что шуба? Одно только название. Ни греву, ни красы. Как зипун. Была б она целая. А то из лапок. Того и гляди лопнет на швах. Да и вытрется. А уж это красота! И к лицу. И сидит ладно.

– Я в нем как взрослая, – застенчиво улыбнулась Дуняшка.

– Молчи, девонька, продадим теленка – платок пуховый справим.

– И ботики! – вся засветилась Дуняшка.

– Справим и боты! Справим!

Под горку бежалось легко. Чтоб сократить дорогу, пошли напрямки по травянистому склону. Впереди, выхваченная солнцем из темной пашни, белела хатами деревня. Дуняшка, млея от тихой тайной радости, отыскивала глазами рыжий тополёк.

2. Прочитайте стихотворение А.Тарковского «Рифма» и выполните его целостный анализ, приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы: определите тему стихотворения и его идею; определите тип лирики, какие чувства испытывает лирический герой произведения; какие художественные детали и образы выделяются в ней; смысл названия, анализ средств художественной выразительности; строфика, размер и вид рифмовки в стихотворении; синтаксические и пунктуационные особенности поэтического текста.

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Арсений Тарковский

Рифма

Не высоко я ставлю силу эту:

И зяблики поют. Но почему

С рифмовником бродить по белу свету

Наперекор стихиям и уму

Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок «мама» говорит,

И мечется, и требует покрова,

Так и душа в мешок своих обид

Швыряет, как плотву, живое слово:

За жабры – хват! и рифмами двоит.

Сказать по правде, мы уста пространства

И времени, но прячется в стихах

Кощеевой считалки постоянство;

Всему свой срок: живет в пещере страх,

В созвучье – допотопное шаманство,

И может быть, семь тысяч лет пройдет,

Пока поэт, как жрец, благоговейно
Коперника в стихах перепоет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,
Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
Еще одно дыхание и мгновенье
Дай эту нить связать и раздвоить! –
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

Задание 2. Творческое

Представьте, что вы журналист. Вам поручено подготовить репортаж по театральной и оперной постановке по произведениям А.С. Пушкина.

При подготовке материала обратите внимание:

- на количество «трагедий» в постановке,
- на отбор материала к постановке. Все ли из представленных входят в пушкинский цикл? Если есть разночтения, попытайтесь объяснить позицию режиссера (режиссеров).
- на название одной из опер в постановке Волгоградского театра. Объясните замену названия композитором. Вспомните название, данное А.С. Пушкиным, меняется ли смысл произведения?
- на общее, объединяющее название постановки. Можно ли согласиться с точкой зрения режиссеров Волгоградского театра? Что дает замена места и времени действия, заявленные режиссерами волгоградской постановки? Обоснован ли, с вашей точки зрения, этот современный подход и некий творческий эксперимент? Обоснуйте их позицию и выскажите собственное мнение.

Примерный объем вашего текста – 200-250 слов.

«Дзержинский театр кукол» г. Дзержинск Нижегородской области Спектакль в 2-х действиях Четыре истории, четыре страны, четыре эпохи... и одно великое противостояние добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Вас ждет погружение в цикл одних из самых мистических и философских произведений гениального Александра Сергеевича Пушкина.	«Волгоградский государственный театр «Царицынская опера», Г. Волгоград Вечер одноактных опер под единым названием «НЕмаленькие трагедии» Что может быть общего у двух опер – «Алеко» Сергея Рахманинова и «Каменный гость» Александра Даргомыжского? Конечно же, в основе каждой пушкинские строки!